

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

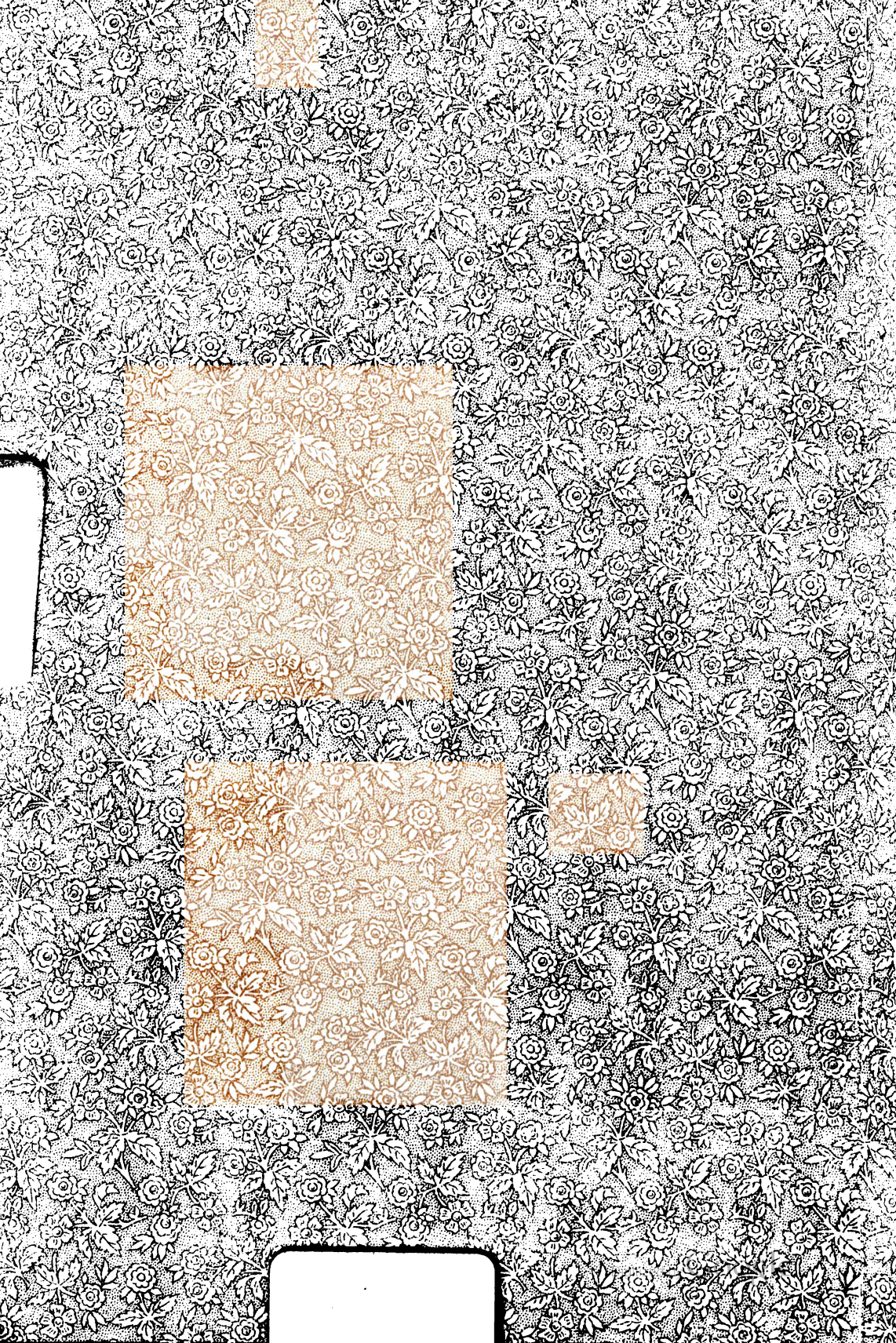
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Al'bom Gogolevskikh tipov

Petr Mikhaïlovich Boklevskii

N.Y.P.L. RESEARCH LIBRARIES

4/11/75

2/1/75

АЛБОМЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ ТИПОВЪ

ПО РИСУНКАМЪ ХУДОЖНИКА

П. БОКЛЕВСКАГО

съ предисловіемъ В. Я. Стоюнина.

Чичиковъ. — Петрушка. — Селифанъ. — Плюшкинъ. — Настасья Петровна Коробочка. — Фетинья, горничная Коробочки. — Собакевичъ. — Мижуевъ, зять Новдрева, Фетюкъ. — Новдревъ. — Маниловъ. — Капитанъ Копѣйкинъ. — Петръ Петровичъ Пѣтухъ. — Бетрищевъ. — Иванъ Петровичъ, правитель канцеляріи въ тридевятомъ государствѣ. — Начальникъ. — Иванъ Антоновичъ, Кувшинное рыло. — Престарѣлый понытчикъ. — Приказчикъ Манилова. — Корявая старушонка. — Приказчикъ-баба. — Учитель Чичикова. — Цѣловальникъ. — Афанасій Васильевичъ Муразовъ. — Хлобусъ, разорившійся помѣщикъ. — Тѣнтѣтниковъ. — Афанасій Ивановичъ Товстогубъ. — Пульхерія Ивановна Товстогубиха. — Иванъ Ивановичъ Перерепенко. — Иванъ Никифоровичъ Довгочунъ. — Губернскій Олимпъ.

Изданіе седьмое.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе О. Юрхнера,

Малая Морская № 14.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го декабря 1894 г.

Типографія **Эдуарда Гонце**, Вознесенскій просп. № 53.

Письмо къ издателю В. Я. Стоюнина.

М. Г.

Съ большимъ удовольствіемъ пересматриваль я издаваемые Вами прекрасныя рисунки г. Боклевскаго и долженъ признаться, что художникъ выбралъ себѣ весьма трудную задачу — нарисовать фізіономіи Гоголевскихъ типовъ, перевести языкъ одного искусства на языкъ другаго, отмѣтить на чертахъ лица душу тѣхъ лицъ, которыя въ твореніяхъ поэта являются въ разныхъ положеніяхъ, всегда вѣрныя самимъ себѣ. Дополнить типы гениальнаго писателя тѣми чертами, которыя были не въ его средствахъ, дополнить работу пера работою карандаша, вообще такой трудъ требуетъ большихъ силъ и не можетъ назваться легкимъ... Попытки болѣе или менѣе удачныя рисовать цѣлыя сцены, описанныя Гоголемъ, дѣлались и прежде другими, но, по моему, этотъ трудъ гораздо легче настоящаго труда, хотя тамъ фантазія художника и должна была работать надъ цѣлою группою: въ сценѣ положеніе каждаго уже опредѣлено подробностями, выраженіе его лица отмѣчено извѣстнымъ движеніемъ души въ данный моментъ; тутъ фантазія живописца болѣе подчиняется фантазіи поэта и творить по его указаніямъ. Г. Боклевскій задался другою задачей: снять, такъ сказать, портреты лицъ, которыя нашъ юмористъ представлялъ изъ жизни, но портреты такіе, въ которыхъ бы выражалось главное содержаніе всей духовной или психической ихъ жизни; онъ захотѣлъ соединить, а не подчинить работу своей фантазіи съ фантазіей писателя. Здѣсь недостаточно было только изучать самыя типы, созданныя Гоголемъ, но нужно было ловить ихъ въ дѣйствительной жизни, потому что и поэтъ оттуда выбиралъ ихъ, нужно было изучать фізіономіи живыхъ лицъ въ той средѣ, которую изображалъ писатель, отыскивать въ нихъ тѣ черты, въ которыхъ отражалась многолѣтняя работа въ ихъ душахъ. Эти фізіономіи не повторяются съ каждымъ поколѣніемъ, хотя ихъ облики и могутъ быть родовыми или наслѣдственными. Сынъ, по внѣшнему

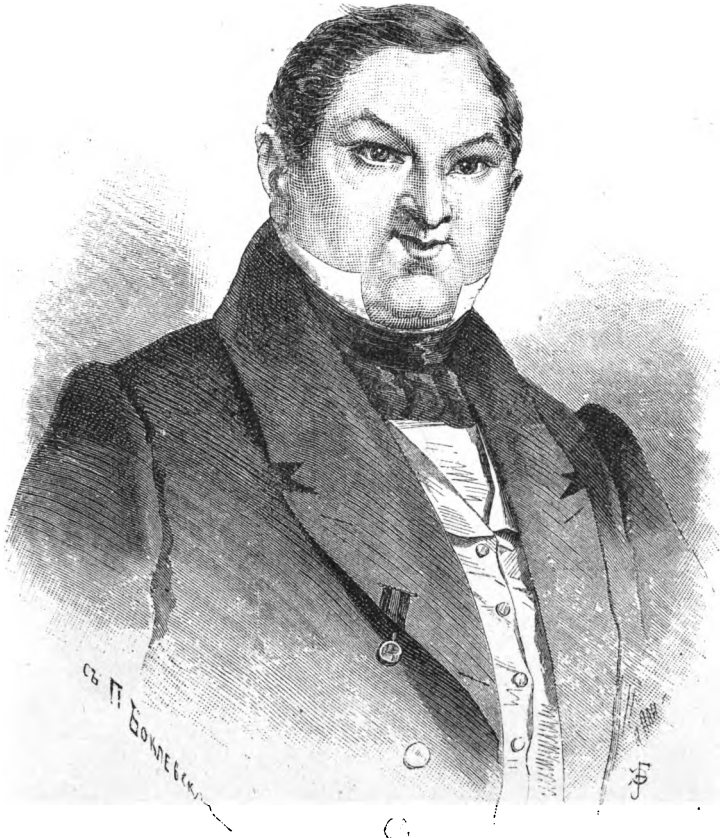
типу лица и складу всей фигуры, можетъ быть похожъ на отца и дѣда, но у каждаго изъ нихъ была своя фѣзіономія, которая выражала то, что переживалось каждыиъ въ свое время. Не знаю, достаточно ли ясно я высказываюсь, но, мнѣ кажется, въ настоящее время встрѣчаются уже не такъ часто тѣ фѣзіономіи, которыя припоминаются изъ сферы крѣпостнической или изъ среды стараго забытаго мелкаго чиновничества. Если заслуга со стороны писателя — представить живые типы своего времени, то такая же заслуга и со стороны художника нарисовать типическія фѣзіономіи того же времени и представить передъ глазами тѣ лица, о которыхъ мы знаемъ по рассказамъ писателя, но которыхъ не видѣли во-очію. Такіе портреты могутъ способствовать психологическому изученію чело-вѣка и, слѣдовательно, имѣть воспитательное значеніе.

Вотъ мой взглядъ на задану г. Боклевскаго. Безъ всякаго желанія льстить художнику, я скажу, что во многихъ рисункахъ онъ очень близко подошелъ къ ней. Его Плюшкинъ, Коробочка, Фетинья, Петрушка, Ноздревъ, Мижуевъ, Собакевичъ, Бетрищевъ, Маниловъ, Учитель Чичикова, Повытчикъ, Пѣтухъ, Кувшинное рыло, Приказчикъ-баба и др. типичны не только въ общемъ смыслѣ, но и какъ русскія фѣзіономіи времени «Мертвыхъ душъ». Кажется, все это люди знакомые, съ которыми когда-то встрѣчался. Въ нихъ хочется вглядываться, чтобы угадать, что творилось въ ихъ душахъ, когда на ихъ лицахъ вырѣзывались тѣ или другія черты. Они — необходимое дополненіе къ рассказамъ Гоголя. Эти похвалы я говорю по совѣсти и горячо желалъ бы видѣть продолженіе предпринятаго Вами изданія.

Влад. Стоюнинъ.

Царское село
15 Октября 1880.

Чичиковъ.

Онъ былъ не красавецъ, но и не дурной наружности: не слишкомъ толстъ, не слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожь и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ... Раскланивался онъ нѣсколько на-бокъ, но не безъ пріятности... Въ пріемахъ своихъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко, — при чемъ носъ его звучалъ, какъ труба... Лицо свое онъ любилъ искренно, въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ передъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей. «Вотъ посмотри, — говорилъ онъ обыкновенно, — какой у меня подбородокъ, совсѣмъ круглый!» Говорилъ онъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ; если спорилъ, то какъ-то чрезвычайно искусно, — такъ, что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «вы пошли», но «вы изволили пойти», «я имѣлъ честь покрыть вашу двойку» и т. п.; умѣлъ все это облекать какою-то степенностью, былъ самый благопрістойный человѣкъ, какой существовалъ на свѣтѣ... Онъ не любилъ допускать съ собою фамиліарнаго обращенія ни въ какомъ случаѣ, развѣ только особа была слишкомъ высокаго званія. Словомъ, куда ни повороту, былъ очень порядочный человѣкъ, умѣлъ хорошо держать себя. («Мертвые Души», изд. 1889 г. Т. I, стр. 3, 6, 7, 12, 79, 138, 243 и др.).

ПЕТРУШКА.

Малый, лѣтъ тридцати, въ просторномъ, подержаномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера былъ больше молчаливаго и имѣлъ благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, но при этомъ ему нравилось не то, о чемъ онъ читалъ, а процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что значить. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же самомъ сюртукѣ, и носить съ собою какой-то особенный воздухъ, отзывавшійся жильмъ покоемъ. При случаѣ—не дуракъ былъ выпить. (Тамъ-же, стр. 4, 17 и др.)

СЕЛИФАНЪ.

Низенькій человекъ въ тулупчикѣ... охотникъ читать самому себѣ наставленія, обращенныя къ лошадямъ, и любитель женскаго пола... Породистыя дѣвки заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. (Тамъ-же, стр. 4, 39 и Т. II, 235 и др.)

Плюшкинъ.

Еслибы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ: ибо къ чести нашего героя нужно сказать, что сердце у него было сострадательное. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ...

И было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, къ нему заѣзжалъ сосѣдь пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. (Тамъ-же, стр. 118, 119, 122 и др.)

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА КОРОБОЧКА.

(Тамъ-же, стр. 41 и др.).

ФЕТИНЬЯ, ГОРНИЧНАЯ КОРОБОЧКИ.

(Тамъ-же).

СОБАКЕВИЧЪ.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя... Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура недолго мудрила, — не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ... но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила другой разъ — вышли губы... и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши «живеть!» «Шеей онъ не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ кѣмъ говорилъ, но всегда или на уголь печки, или на дверь. О людяхъ ни о комъ не любилъ хорошо отзываться: о предсѣдателѣ — что «онъ только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ»; о полиціймейстерѣ — что «это мошенникъ»; о губернаторѣ — что — «первый разбойникъ въ мѣрѣ». «Онъ, да еще вице-губернаторъ это Гога и Магога!»... Я ихъ всѣхъ знаю, это все мошенники, весь городъ тамъ такой, мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человекъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, «свинья». (Тамъ-же, стр. 91 и др.)

Мижувѣвъ, зять Ноздрева, Ѳетюкѣвъ.

Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый или, что называется, издержанный, съ рыжими усами... Одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся... въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ, а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ подплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку. (Тамъ-же, стр. 65 и др.)

Ноздревъ.

Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ; съ полными румяными щеками и черными, какъ смоль, бакенбардами »Ба, ба, ба!« вскричалъ онъ вдругъ при видѣ Чичикова: »Какими судьбами?.. куда ѣдиль?« Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько нибудь знакомо читателю: такихъ людей называютъ разбитными малыми, въ ихъ лицахъ всегда видно что-то прямое, открытое, удалое... Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать... Чуткій носъ его за нѣсколько десятковъ верстъ слышалъ гдѣ была ярмарка... Онъ уже въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ страстишку къ картишкамъ. Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ съ одною, и то довольно жидкою бакенбардой. (Тамъ-же, стр. 60 и др.)

Маниловъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару... Онъ былъ бѣлокуръ и всегда шурилъ свои голубые глаза, когда улыбался. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «какой пріятный и добрый человѣкъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ что такое!» и отойдешь прочь; если же отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. (Тамъ-же, стр. 20 и др.)

КАПИТАНЪ КОПЪЙКИНЪ.

Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побываль и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ... Проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь, относительно сказать — жизнію жертвовалъ. (Т. III, изд. 1889 г. »Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ«, стр. 199 и др.)

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПѢТУХЪ.

«Отчего вы всегда такъ веселы, Петръ Петровичъ?» — Да отчего же скучать? помилуйте, отвѣчалъ хозяинъ. — «Какъ отчего? оттого, что скучно». — Мало ѣдите, вотъ и все. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ. »Будто ужъ вы никогда не скучали?» — Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать!

За обѣдомъ добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой... У кого два — подкладывалъ ему третій... »Не могу, сказалъ Чичиковъ, не взойдетъ, нѣтъ мѣста«. — Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій. — Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто... Разумѣется, если такъ пообѣдаешь, какъ тутъ придти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ, не правда-ли? (»Мертвыя Души«. Т. II, изд. 1889 г., стр. 456, 457 и 458.)

Бетрищевъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генераль Бетрищевъ заключалъ въ себѣ кучу достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты: великодушіе, храбрость, умъ, безпримѣрная щедрость во всемъ и въ примѣсъ къ этому, капризы честолюбія и та мелкая личная щекотливость, безъ которой не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и не требуется отъ него рѣшительности. (Тамъ же, стр. 311).

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ,
правитель канцеляріи въ тридевятомъ государствѣ.

Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ,—гордость и благородство, и ужъ чего не выражаетъ его лицо! просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительно Прометей! Высматриваетъ орломъ, высматриваетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только приблизится къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. »Да это не Иванъ Петровичъ«, говоришь, глядя на него. »Тотъ выше ростомъ, а этотъ низенькій и худенькій,—пищитъ птицей и все смѣется«. Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ! »Эхе, хе!« думаешь себѣ. (»Мертвыя Души«. Т. I, изд. 1889 г., стр. 46.)

Начальникъ.

Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ чиномъ, также и выраженіе, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ: (Т. III, изд. 1889 г. »Повѣсть о капитанѣ Копѣикинѣ«, стр. 201).

Иванъ Антоновичъ Кувшинное рыло.

Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала впередъ и пошла къ носу; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи «кувшиннымъ рыломъ». (»Мертвыя души«, изд. 1889 г. Т. I, стр. 141.)

ПРЕСТАРѢЛЫЙ ПОВЫТЧИКЪ.

Это былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непоколебимости, — никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже спросомъ о здоровьи. Ничего не было въ немъ ровно, — ни злодѣйскаго, ни добраго: въ суровой соразмѣрности между собою были черты его лица. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. («Мертвыя Души». Изд. 1889 г. Т. I, стр. 230.)

Приказчикъ Манилова.

Приказчикъ былъ человекъ лѣтъ подь сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самоваръ и пилъ чай. (Тамъ-же, стр. 29.)

КОРЯВАЯ СТАРУШОНКА.

Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ногъ другихъ, подступила къ Тѣтѣтнику, всплеснула руками и взвизнула: »Соколичекъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная Нѣмчур!» »Пошла ты, баба!» закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ. »Ишь куда полѣзла, корявая!» («Мертвыя Души», изд. 1889 г. Т. II, стр. 292.)

ПРИКАЗЧИКЪ-БАБА.

Тѣнтѣтниковъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ точно баба и дуракъ со всѣми качествами дряннаго приказчика, то есть, вель аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и постѣвахъ и въ прибавленіе ко всему — подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на свою жизнь. (Тамъ-же.)

Учитель Чичикова.

Большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непременно должны надъ нимъ смѣяться. — Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. »Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!« говорилъ онъ. И бѣдный мальчикъ, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣна и голодалъ по суткамъ. (»Мертвые Души«. Т. I, стр. 227 и 228.)

ЦѢЛОВАЛЬНИКЪ.

Въ концѣ деревни лысый Пимень, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было »Акулька«. («Мертвыя Души». Т. II, стр. 306.)

АФАНАСІЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МУРАЗОВЪ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БОГАЧЪ.

— Противозаконная, однакожь, вещь, сказала Вышнепокромовъ: — капиталы не должны быть въ однихъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.

— Это я не могу понять, сказала Чичиковъ. — Десять милліоновъ, и живетъ какъ простой мужицъ! Вѣдь съ десятью милліонами чортъ знаетъ что можно слѣлать! Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другаго у тебя не будетъ, какъ генералы и князья. («Мертвыя Души». Т. II, стр. 383.)

ХЛОБУЕВЪ.
РАЗРИВШІЙСЯ ПОМЪЩИКЪ.

ТЪНТЪТНИКОВЪ.

Безпристрастно сказать — онъ не былъ дурной человекъ, онъ просто былъ копитель неба. Такъ какъ уже немало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ. За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ за тѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ объять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ. И такъ проводилъ время молодой тридцати-трехъ-лѣтній человекъ, сиднемъ-сиднемъ въ халатѣ и безъ галстука. (»Мертвыя Души». Т. II, стр. 274 и 275.)

АФАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ ТОВСТОГУБЪ.

Афанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ и всегда почти улыбался, сидя на своемъ стулѣ, который продавилъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Когда-то, въ молодости, Афанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это очень давно, когда онъ былъ молодцомъ, носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него. (»Старосв. помѣщ.«)

Пульхерія Ивановна Товстогубиха.

Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у ней лучшаго, что вы нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Она была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. »Вотъ это«, говорила она, снимая пробку съ графина, »водка, настоенная на деревѣ, вотъ это — на златотысячникѣ, а вотъ это — на персиковыхъ косточкахъ; вотъ возьмите рюмку — какой пріятный запахъ!« (Тамъ-же.)

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПЕРЕРЕПЕНКО.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнѣйшая! А какія смушки! Фу ты пропасть, какія смушки! — сизыя съ морозомъ!.. Прекрасный человекъ Иванъ Ивановичъ! И какой богомольный: каждый воскресный день, надѣвши бекешу, идетъ въ церковь: вошедши въ нее, раскланивается на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ.

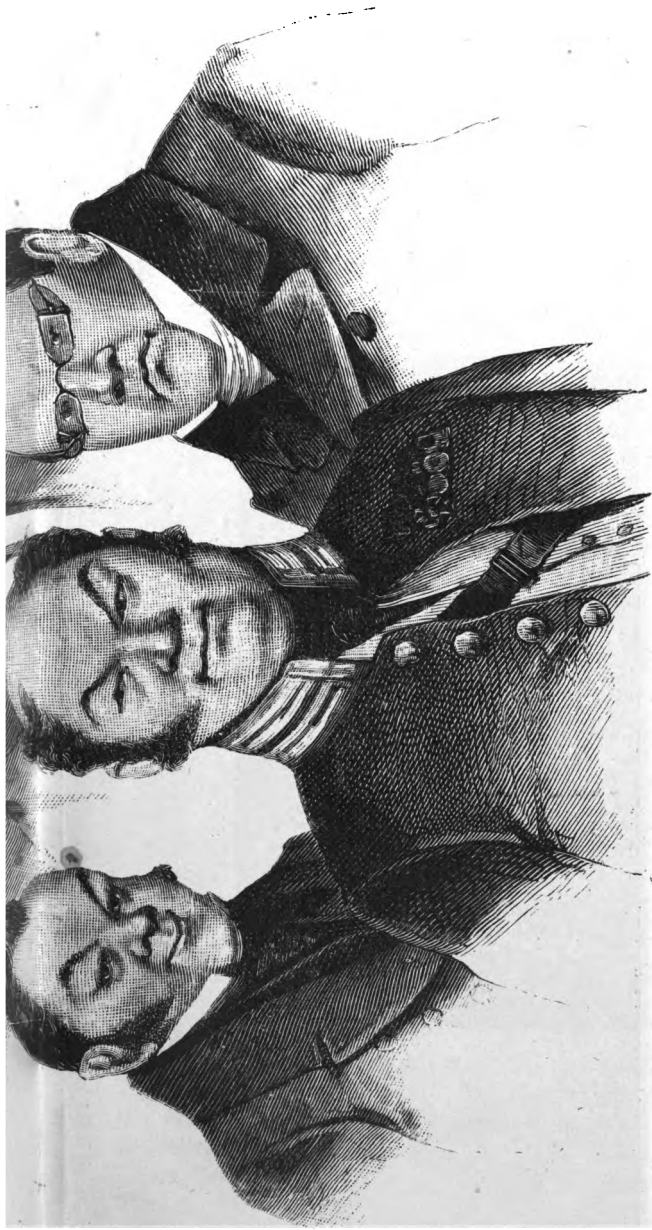
Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; онъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! — никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ же обидится, если услышитъ его. (Тамъ-же.)

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ.

Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчить, но за то, если влѣпить слово, то держись только. Онъ немного ниже Ивана Ивановича, но за то распространяется въ толщину. Цѣлый день лежитъ на крыльцѣ и если день не слишкомъ жаркій, то выставить спину на солнце и никуда не хочетъ идти. Чрезвычайно любитъ купаться и когда сядетъ по горло въ воду, то очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ: оттого никакъ не пропускаютъ жидасъ товарами, чтобы не купить у него элексира противъ этихъ насѣкомыхъ, выбравивъ его напередъ хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру. (Тамъ-же.)

ГУБЕРНСКІЙ Олимпъ.

Верхній рядъ: Губернаторъ посреднѣ: «большой добрякъ и даже самъ вышиваль по тютю»; по правую руку — вице-губернаторъ «безъ особыхъ примѣтъ»; по лѣвую — прокуроръ «со своими черными бровями и подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ». **Средній рядъ:** посреднѣ: откупщикъ «конечно, изъ евреевъ»; справа — «въ очкахъ, губернской архитекторъ»; председатель палаты (Иванъ Григорьевичъ), «весьма разсудительный человекъ»; слѣва отъ еврея: «предсѣдатель казенной палаты» и «начальникъ надъ казенными фабриками»; оба особенныхъ примѣтъ не имѣютъ, кромѣ выраженія собачьей жадности въ глазахъ. **Нижній рядъ:** полиціймейстеръ, въ мундирѣ того времени, «отецъ и благодѣтель всего города, навѣдывавшійся къ купцамъ въ лавки, какъ въ свою собственную кладовую»; справа отъ него почтмейстеръ, низенькій человекъ, но острякъ и философъ, читающій «Ключъ къ тайствамъ природы» Экартстаузена и «Юнговы ноши»; слѣва инспекторъ учебной управы, «вѣроятно, изъ духовнаго званія». (Т. Ш, стр. 12.)

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ и писчебумаж-
ныхъ магазинахъ въ 5-ти разныхъ форматахъ, въ изящныхъ
переплетахъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛѢ МАРОКЪ

ВСѢХЪ СТРАНЪ.

Составилъ И. Кревингъ.

Въ осьмушку 40 стр. — р. 40 к., съ перес.— р. 60 к.
Тоже 65 стр. — » 60 » , , — » 85 »
Въ больш. осьмушку 74 стр. — » 85 » , , 1 » 15 »
Въ четвертку 96 стр. 1 » 50 » » , 2 » 10 »
Тоже 566 стр. 6 » — » , , за 8 ф.

ОТТО КИРХНЕРЪ,

С.-Петербургъ, Малая Морская, 14.

Телефонъ № 1006.

АЛЬБОМЪ ВИДОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Souvenir de St. Pétersbourg.

— **Новость!** —

НОВЫЕ ВИДЫ

(фототипии)

ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА

въ роскошныхъ каленкоровыхъ обложкахъ съ
золотымъ тисненіемъ:

форматъ	12×17	мм.	12	видовъ	цѣна	1	руб.	—	коп.
»	»	»	18	»	»	1	»	50	»
»	»	»	24	»	»	2	»	—	»
»	17×22	»	20	»	»	3	»	—	»

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ
книжныхъ и писче-бумажныхъ магазинахъ
Россіи и у издателя

Отто КИРХНЕРЪ,

С.-Петербургъ, Малая Морская, 14.

